

— Цзюнь, ты можешь поговорить со мной. Все хорошо. Скажи мне, что у тебя на уме. Это будет похоже на разговор во сне. Ты можешь сделать это, — медоточивый голос сестры Лян кружился в голове Гу Цзюня, но это никак не расслабляло напряжённые нервы.

Смерть двух жертв промелькнула перед глазами юноши. Операция пожилой женщины дошла до этапа, когда они проволочной пилой распиливали ей ключицу. Хирург Чжу управлялся с пилой, пока Гу Цзюнь держал деформированную конечность пациентки. Визг пилы, ослабевающие стоны и силы, которые, как чувствовал юношу, ускользали из рук женщины... В итоге, пожилая женщина больше не двигалась.

Бедный мальчик. Маленькое тельце не могло применить много сил, но он боролся, плача до самого последнего мига.

Они умерли

Они мертвы.

Искаженные лица, с которых сошел цвет, расширенные зрачки, потерявшие душу. Казалось, они допрашивали душу Гу Цзюня.

— Разве ты не врач? Почему ты не спас нас? Почему ты подверг нас сильным мучениям?

— Цзюнь, Цзюнь? — снова раздался голос сестры Лян, но сейчас в нем слышались властные нотки, — Если ты чувствуешь дискомфорт, то, пожалуйста, перестать думать. Очисти разум. Сделай глубокий вдох и вернись в свое тело. Отойди от ситуации. Вдох, выдох, вдох, выдох. Расслабься...

— Нет... — сопротивляясь, пробормотал Гу Цзюнь, — У меня есть то, что я хочу им сказать.

— В таком случае, идем, — услышав ответ, сестра Лян не прекратила сеанс, а переключилась в режим терапии, — Они все еще здесь. Уверена, они слышат тебя.

Гу Цзюнь долгое время молчал, прежде чем слова полились из него:

— Простите, что я не смог спасти вас. Я знаю, что это клише, но хирург Чжу, остальные в группе и я, все старались изо всех сил. Нам так жаль, что заставили вас пройти через боль... Надеюсь, вы покоитесь с миром.

— Уверена, что так и есть. Они определенно поймут тебя, — утешительно сказала сестра Лян, она произнесла фразу тем же уверенным и властным тоном. Это поможет прогнать тень из сердца юноши, — Цзюнь, ты должен понять, что врачи – не боги. Мы обычные люди. В процессе лечения пациенты иногда испытывают боль, но ты лишь выполняешь свою работу. Пожалуйста, не вини себя.

Несмотря на то, что эти слова снова звучали как клише, но когда человек находился под гипнозом, внушаемость слов достигала высокого эффекта. Иногда загипнотизированный

принимал слова гипнотизёра без всякого сопротивления. Поэтому слова сестры Лян помогут Гу Цзюню принять послание более успешно, тем самым достигнув цель терапии, заключающейся в помощи в изменении восприятия и избавления от беспокойства.

Сестра Лян продолжила терапию:

— Сочувствие – хорошая вещь, но нельзя быть ослепленным ей. Поскольку ты – врач, то в будущем ты столкнёшься с подлинной природой жизни. Пока ты соблюдаешь клятву Гиппократата, закалять свое сердце – хорошо. В конце концов, сначала тебе нужно позаботиться о себе, прежде чем ты сможешь заботиться о других.

Сестра Лян увидела, как лицевые мышцы Гу Цзюня медленно расслабляются, признак того, что терапия действует. Затем она взглянула на данные КГР и ЭЭГ на мониторе, все показывало то, что юноша успокаивается. Оценщица пришла к какому-то выводу и в сердце добавила к отчету еще одно предложение.

«Субъект очень обеспокоен итогом операции (уровень 8/10). Он чувствует вину за смерть двух пациентов. Обладает высоким уровнем эмпатии, но не проявляет никаких признаков отрицательных эмоций».

Субъект заикнулся на происшествии, что было для него сильно влияющей ситуацией.

— Сестра Лян, ты же понимаешь? — пробормотал Гу Цзюнь, — Мы сделали все возможное.

Юноша чувствовал себя намного лучше. Эмоции, омрачающие его сердце на протяжении полумесяца, исчезли. Он понял, почему Цай Цзысюань выглядел так, как будто вышел из спалона.

После того, как Гу Цзюнь немного расслабился, сестра Лян попросила вообразить ситуаций с более сильным влиянием – собственноручно вскрыть тело хорошего друга Цай Цзысюаня. Результат оказался полной противоположностью тому, чего она ожидала. Гу Цзюнь не проявил особой реакции. На самом деле, он даже пошутил.

— Должен сказать, у Цзысюаня чертовски хороший череп. Нам не пришлось сбривать волосы. Все и так четко видно.

Если бы не тот факт, что все приборы показывали, что Гу Цзюнь все еще находится под гипнозом, сестра Лян нетрудно было поверить, что он очнулся.

Сестра Лян поняла результаты оценочного теста личности из дела Гу Цзюня. Чертовски странный человек! Люди с высоким духовным восприятием легко вникают в ситуации и поддаются эмоциям, по сравнению с другими. Таким примером была Ван Руосян с уровнем В+ духовного восприятия, поэтому при расчета значения S их духовное восприятие уравнивалось.

Но, фактически, Гу Цзюнь с уровнем А+ духовного восприятия был способен сохранять спокойствие, поэтому, по объективным расчетам, у него должно быть высокое значение S. Но в отчете юноши имелось мнение одного обследователя.

Предполагается, что подсознание субъекта имеет аномальную память, но связано ли это с

высокой духовностью временно неизвестно.

Порой поразительный талант может быть проявлением ненормальности.

— Цзюнь, когда я была маленькой, мама часто говорила мне есть больше, — сестра Лян продолжила оценивание, — Твоя мама говорила нечто похожее?

— Моя мама, она... — дыхание Гу Цзюня участилось, — Я не могу вспомнить многое о ней. Сестра Лян, вы, должно быть, знаете про мое прошлое...но я действительно ничего не помню. Я не лгу тебе. Компания Лай Шенг...над чем они экспериментируют? Я ничего не знаю об этом.

— У меня нет доступа, чтобы полностью просмотреть твое дело. Я ничего не знаю о компании Лай Шенг, которую ты упомянул, — сестра Лян замедлила темп речи, чтобы не вторгнуться в защитное поле Гу Цзюня.

— Я знаю, что у тебя может быть аномальная память в подсознании - наподобие ложных воспоминаний, которые кто-то вложил тебе в голову, или воспоминания, которые некоторые люди пытаются заставить тебя забыть. Как думаешь, мы можем попытаться добраться до них? Мы можем попробовать.

Гу Цзюнь слегка упрямылся, но, с другой стороны, хотел попробовать. Если это приведет его к правде...

— Хорошо, — сказал юноша, — Я тоже хочу найти ответы на вопросы.

— Тогда начнем. Просто расслабься и следуй за моими словами, чтобы вернуться в прошлое, — сначала сестра Лян попросила Гу Цзюня расслабиться в тишине, прежде чем официально начать.

— Тебя окружает темнота, ты находишься в тишине, но вдруг ты видишь свет перед собой. Ты медленно идешь к свету, шаг за шагом. Там стоит дверь, а свет исходит из-под двери. За дверью находится воспоминание, которое, как ты полагаешь, произошло, но ты не можешь вспомнить, как бы не пытался. Ты потихоньку подходишь к двери и открываешь ее...

С закрытыми глазами Гу Цзюнь почувствовал, как перед ним появился смутный свет и красная дверь. Он осмотрительно подходил к двери. Пройдя через красную дверь, юноша оказался в свету...

— Скажи мне, что ты видишь? — спросила сестра Лян.

Гу Цзюнь шел за светом и тенью, прохаживаясь через туман. Он огляделся - все было расплывчато. Дыхание стало тяжелее, брови нахмурились, а веки затрепетали.

— Это место, где ты был в прошлом? — сестра Лян высказала предположение в качестве проводника, — Дом твоего детства?

Каждое воспоминание сопровождалось сценарием, так как человеческие чувства возникали в реальных ситуациях. Даже когда люди не обращали особого внимания, мозг естественным образом формировал подсознательную память. Как только сценарий выплывет на поверхность, память последует за ним. Это может объяснить феномен дежавю.

Слушая указания, Гу Цзюнь почувствовал нечто знакомое. Размытые картины света и тьмы начали принимать формы и размеры.

— Это комната, — пробормотал юноша, — Я внутри комнаты.

— Что это за комната? Твоя комната?

Гу Цзюнь огляделся. Детская, оформленная в теплых тонах. На стенах висело много ярких рисунков. Они состояли из неровных линий, вероятно, выполненных ребенком. Даже когда чувство близости никогда не покидало Гу Цзюня, он не мог сказать, где находится это место. Бывал ли он там раньше?

— Это очень маленькая комната с кучей рисунком...

— Рисунки? Кто нарисовал их? В комнате кто-то рисует?

Услышав вопрос, Гу Цзюнь увидел, как нечетная фигура появилась в поле зрения. Юноша описал:

— Маленький мальчик сидит на полу. Возможно, ему два-три года, и он что-то рисует акварелью на бумаге.

— Кто этот маленький мальчик? Ты знаешь его?

— Он похож на меня... — Гу Цзюнь продолжил описывать воспоминание, которое видел, — Да, это я...и моя мама. Она сидит рядом со мной...

Юноша услышал, как его позвал другой голос. Не сестра Лян, голос из памяти.

Мама спрашивала:

— Сяо Цзюнь, как пишется дерево? Ты можешь рассказать мамочке?

Мама протянула другой листок бумаги. Лист с нарисованными деревьями.

— Хорошо! — радостно кивнул мальчик. Он взял листок и положил на пол. Используя кисть, мальчик довольно крупно написал слово «дерево» на листе бумаги, — Я закончил!

Мальчик бросил кисть и поднял бумагу высоко над головой. Он был очень счастлив.

— Ах... — глаза Гу Цзюня распахнулись, и он издал крик, полный боли.

Это был иноземный язык. «Дерево», которое записал мальчик, было написано на иноземном языке. Гу Цзюнь схватился за голову. Безжалостная выдумка воспоминаний все еще крутилась перед глазами. Мама взяла бумагу в руки. Она изучала ее, как будто это было сокровищем. Странный блеск вспыхнул в ее глазах.

Мать рассматривала рисунок и вскоре передала мальчику другой лист бумаги:

— Что это за слово? Червь, как ты думаешь, как его нужно записать?

— Вот так! — маленький мальчик взял бумагу и положил ее на землю. Он схватился за кисточку и принялся снова рисовать. Все еще иноземный язык. Червь или паразит — они имели одинаковое написание.

Внезапно Гу Цзюня накрыло осознание. На полу вокруг мальчика и мамы находились стопки рисунков. Разные картинки, и под каждым рисунком находилась соответствующая запись на иноземном языке. Темнота, яблоко, время, бездна, зарождение, солнце, рука, кость, звезда, смерть, небо, земля...

Странный язык был тем, что он создал, когда был маленьким.

<http://tl.rulate.ru/book/55831/2321899>